Л. А. Агрба
(Республика Абхазия, г. Сухум)

СОВРЕМЕННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС: ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

MODERN ACADEMIC DISCOURSE: HUMANITIES IN TIMES OF DIGITAL REVOLUTION

В статье рассматриваются вопросы влияния цифровой революции и новых информационных и коммуникационных каналов на отношение к образованию и науке, в целом на образовательный процесс, а также на взаимоотношение науки и публики. Анализируются актуальные темы, стоящие перед современным научно-академическим сообществом, рассматриваются новые тенденции в образовании и методах обучения в связи с появлением публичных интеллектуалов; дается оценка развития он-лайн образования из-за изменения способов получения информации, ее качества и объема; оцениваются вызовы, возникающие в виртуальной образовательной среде. Статья написана по результатам работы в Летней Гуманитарной школе МГУ (27 июня – 1 июля 2016 г).
Ключевые слова: *современный образовательный дискурс, цифровая революция, наука и публики, публичный интеллектуал, коммерциализация образования.*

The article examines the influence of the digital revolution and new communication channels on attitudes to education and the humanities, to the teaching process in general as well as the relationship between the humanities and the public. It analyses the essential issues confronting the academic community. New trends in education connected with the appearance of public intellectuals are considered; the expansion of on-line education due to arrival of new communication channels bringing information various in quality and volumes is estimated; challenges in academic sphere are studied and certain recommendations are put forward.
The article is written on the results of work at Summer Humanitarian School of Moscow State University (June 27 - July 1, 2016).
Key words: *modern academic discourse, digital revolution, the humanities and the public, public intellectual, commercialization of education.*

Современный образовательный дискурс неоднозначен и противоречив, но очевидно, что он нацелен на поиск новых форм и подходов к обучению с учетом возникающих реалий и вызовов. Под дискурсом здесь следует понимать «дискуссионное поле» в интерпретации Ю. Хабермаса [3, с. 82]. Последние десятилетия доказали хрупкость системы образования, которая оказалась уязвимой перед натиском глобальных перемен. Решающими стали социокультурные и демографические переломы последних лет, приведшие к глобализации образования, ее универсализации (введение ЕГЭ, Болонской системы и т.д.), интернационализации; рост конкуренции на рынке образовательных услуг и коммерциализация образовательной сферы; появление различных альтернативных школ и методик преподавания; цифровая революция и появление новых информационных и коммуникационных каналов, открывших доступ широкой аудитории к образованию и наукам.

В рамках статьи остановимся на влиянии цифровой революции, уверенно и бесцеремонно шагнувшей в наш мир, оказав наибольшее воздействие на трансформацию традиционных систем образования.

В последнее время часто говорят о том, что резкий перелом в массовом сознании вследствие цифровой революции может стимулировать регенерацию социокультурных, семиотических, коммуникативных и иных моделей. Возникает новая эпоха в человеческих отношениях, образе мышления, ведении быта, и это неизбежно скажется на всех областях жизнедеятельности человека, в том числе и на передаче информации и обмене знаниями.

Безусловно, с появлением новых медиа и цифровых технологий меняется отношение не только к информации, но и к способам ее потребления. Сегодня уже недостаточно глубины и научной новизны материала – существует острая потребность в налаживании диалога с новым поколением людей, выросших в эпоху цифровой революции и избалованных обилием источников получения информации и ее многообразием, а значит – с иным мышлением и умственной деятельностью, в целом с иной адаптивностью. Преподавателю приходится тщательно отбирать информацию, находить подходящие способы ее «упаковки» и подачи с точки зрения объема, перформативности и практичности. С этой целью в разнообразных видах учебной деятельности применяются современные техники, максимально упрощающие процедуру доставки информации до слушателя и облегчающие ее усвояемость и запоминаемость.

Цифровая революция породила наполненную практичным контентом информационно-образовательную электронную среду (Electronic Learning Environment), важнейшим элементом которой стала возможность виртуальной коммуникации между обучающимся и преподавателем, а также между самими обучающимися. Сегодня можно обсуждать со специалистами актуальные вопросы, консультироваться с преподавателем он-лайн, получать комментарии и даже сдавать тесты, не выходя из дома, свободно получать весь пакет образовательных услуг «на дому», и в этом, безусловно, большой положительный вклад цифровой революции.

За последние десятилетия возникли так называемые «электронные и мультимедийные продукты учебного назначения»: анимационные фрагменты, учебные видеофильмы, демонстрационные версии курсов, электронные программы тестирования, мультимедиа тренажеры, виртуальные лаборатории, он-лайн edutainment, infotainment и такая новая парадигма, как академизация досуга (academization of leisure). Цифровая революция изменила подход к обучению – он стал более динамичным. Однако многим экспертам в области образования подобное массовое увлечение виртуальными игровыми обучающими формами не по вкусу. Американский профессор, теоретик медиа Нейл Постман (Neil Postman) в своей книге «Развлекая себя до смерти» утверждает, что основная модель дискурса культуры состояла в том, чтобы перескочить с печатной продукции на телевидение, и в результате «политика, религия, новости, спорт, образование и коммерция превратились в придаток шоу бизнеса» [8].

Что вызывает скепсис у специалистов и является предметом активного дискурса в научно-академических кругах, так это виртуальные обучающие программы, которые не всегда отвечают требованиям методики и дидактики обучения, не говоря уже о соблюдении психофизиологических требований, предъявляемых к учебным разработкам. К сожалению, несмотря на то, что квест за знаниями стал зрелищнее, интереснее и проще, на деле многие электронные курсы и он-лайн пособия не соответствуют стандартам образования, а многие виртуально проводимые исследования в реальных условиях практически невыполнимы. Так, можно говорить о недолжной, а зачастую и просто вредящей эксплуатации виртуального пространства, об имитации обучения и интернет продаже псевдообразовательных услуг. Профессор психологии Дэниел Левитин (Daniel Levitin) в своей книге «Организованный разум» пишет: «Мы перегружены мусором. Становится все сложнее отделять

зерна от цифровых плевел. Проблема с Интернетом в том, что каждый может постить и сложно понять, смотришь ты на факт или псевдофакт, на науку или псевдонауку» [6].

Вместе с тем надо признать, что развитие он-лайн обучения вследствие цифровой революции открыло доступ к знаниям широкой публике и, помимо прочего, позволило:

• создать новые способы и методы доведения знаний до учащихся;

• легко и быстро «соединить» учащихся между собой, а также с преподавателем;

• отбросить влияние территориального фактора на образовательный процесс и расширить доступность обучения для всех слоев общества;

• уменьшить зависимость обучения от материальных возможностей учащихся;

• быстро реагировать на запросы профессионального рынка;

• наладить межкультурную и межпрофессиональную коммуникацию, укрепить партнерство и обмен опытом в сфере образования, создать новые учебные планы и программы совместно с коллегами из других стран.

Таким образом, цифровая революция несет с собой как массу положительных импульсов, стимулирующих образовательные процессы, пропагандирующих знания, содействующих исследованиям и новым открытиям, ставящих перед современным образованием определенные вызовы, к принятию или отражению которых научно-академическому сообществу необходимо быть готовым.

Совершив переворот в массовом сознании поколений, полностью изменив представление людей о том, что является каноном в музыке, живописи, литературе и т.д., цифровая революция привела к стиранию границ между личным и публичным. Все начали осваивать виртуальное пространство и он-лайн вышли к публике, стали доступны массовому потребителю, и только наука до недавнего времени стояла особняком.

Как известно, считалось, что наука требует тишины, сосредоточенности, отрешенности от мирской суеты. Однако цифровая революция привела к тому, что наука распахнула двери публике и не просто позволила прикоснуться к новым знаниям, но и дала возможность широкой интерпретации научных изысканий. Пионерами в этом выступили гуманитарные науки.

Дискуссионным остается вопрос о том, насколько готова наука к мнению **публики**. Отметим также, что с ростом числа интернет-пользователей, активных посетителей различных научно-образовательных сайтов в образовательном дискурсе остро встает не проблема, **как приблизить науки к публике** (это было всего лишь несколько десятилетий тому назад), **а как не потерять науку в публике**.

Заметим, что требования, предъявляемые к гуманитарной науке в связи с появлением виртуального пространства, растут в геометрической прогрессии. Сегодня от нее ждут заведомо большего, чем она может дать, – всеобъемлющего решения проблем, мучающих человечество. Однако вместе с ростом внимания общественности к гуманитарным дисциплинам интерес к ним молодежи падает – и в этом серьезнейший вызов для гуманитарной науки.

В современном образовательном дискурсе часто слышим, что наука требует обновления и популяризации, освобождения от сложной терминологии и формализма. Предполагается, что она должна стать ближе к людям, доступной и понятной большему числу людей. Однако существует опасность того, что упрощение науки с целью популяризации (а упрощение вообще доминирующая тенденция современного мира) приведет к ее девальвации. Таким образом, в современном образовательном дискурсе актуализируется еще один вопрос – **как приблизиться к публике** и при этом не скатиться к примитивизму?

Есть еще один аспект – усталость от плодов науки, от массы научных разработок и изобретений, выплевываемых на население, а затем жадно поглощаемых и также быстро забываемых. Не случайно мы все чаще слышим о деградации, деинтеллектуализации публики. Сегодня интерес представляют скорее люди, стоящие за наукой, – речь идет о так называемых публичных

интеллектуалах ***или педагогах современной формации***. На протяжении всей истории человечества особого внимания удостаивались популярные фигуры, выступавшие в качестве проводников знаний, воплощавших науку и готовых нести ее в массы. Речь идет о так называемых публичных интеллектуалах, посредниках между наукой и народом. Возникла эта «прослойка» для взаимного общения, изъяснения, популяризации знаний, ведь публичность интеллектуала – в его умении переводить теорию (от греч. «*teorio*» – созерцаю, умозрю) в практику (от греч. «*praktikos*» – деятельный, активный), в активное делание, его готовность делиться накопленными знаниями, навыками, опытом, а это именно то, что всегда востребовано публикой. В то же время народ в них видел борцов за справедливость и равенство, отстаивавших его интересы перед правителями. Действительно, публичность интеллектуала была сродни миссионерству, она требовала максимальной самоотдачи и вовлеченности, ума и гибкости, уверенности и храбрости.

Итак, в той или иной форме публичные интеллектуалы существовали всегда, однако цифровые и медийные возможности современности, придав формату особое ускорение, по сути, подтолкнули их к широкой публике. Многие полагают, что использование новых электронных обучающих ресурсов и цифровых коммуникационных каналов, ставших неотъемлемой частью современного процесса обучения, отодвигают фигуру преподавателя на второй план. Действительно, расширение коммуникативного пространства, максимально упрощенный процесс доставки информации до слушателя, появившиеся виртуальные научные инструменты, а также цифровые методики и техники обучения изменили статус современного преподавателя, лишили его былого авторитета. И это не удивительно, ведь в современную эпоху консюмеризма значимость часто придается не столько процессу, сколько конечному продукту, – если перенести это на плоскость образования, учебному материалу или оценкам, диплому или сертификату, а фигура преподавателя, да и сам образовательный процесс постепенно нивелируются, приуменьшаются. Более того, вариативность образования и жесткая конкуренция приводят к потере привязанности не только к преподавателю, но и к месту обучения и территориальной расположенности.

Вот почему педагоги современной формации, пытаясь адаптироваться к новым реалиям, вынуждены осваивать различные репрезентативные приемы, примерять новые маски для демонстрации знаний и раскрытия спонтанной информации своего опыта. Педагог должен уметь примерять различные роли и амплуа, быть всегда готовым к выходу на подмостки, чтобы работать и быть интересным «in situ», то есть непосредственно на месте. Вот почему публичные интеллектуалы обращаются даже к индустрии развлечений за свежими идеями и новыми подходами, за необходимым арсеналом развлекательных техник и методик, чтобы доносить сложную информацию легким и комфортным для слушателя современным способом. Именно игровое начало в деятельности публичного интеллектуала представляет особенный интерес. Оно является своеобразной экзистенциальной доминантой, определяющей отношение интеллектуала не только к публике, но и к самому себе. Игровое начало определяет и характер восприятия аудиторией, и парадигму мироощущения самого интеллектуала.

Итак, публичность объединяет творчество, креационизм с игровым элементом, предполагает игру с аудиторией, направленность «вовне», открытость, коммуникабельность. Публичность интеллектуала в его яркости, открытости, «я»-активности, экстравертности, саморепрезентативности, и не каждому интеллектуалу дано стать публичным. Публичные интеллектуалы – это люди определенного склада и темперамента, они немного шоумены, факиры, массовики-затейники. Публичность интеллектуала нельзя воспринимать изолированно, она высвечивает систему взаимоотношений, которая складывается в момент коммуникации, пусть даже и в виртуальном пространстве. Здесь есть четкая ориентированность

на слияние с публикой в коммуникативном акте, и в то же время – это акт само-*реализации*, а публика как бы приглашается для со-*участия* в процессе, акте наррации. Мастерство публичного интеллектуала состоит именно в его умении создавать особое пространство между собой и публикой, и в этом пространстве он не только дает, делится сакральными знаниями, но и познает, в том числе и самого себя. Происходит своеобразный обмен, взаимное развитие, обогащение, и в конечном итоге через социализацию само-*познание*, само-*понимание*. «Публичный интеллектуал – это голос людей, который изначально существует только в особом пространстве средств массовой коммуникации и который создает, питает их смыслами, но одновременно во многом и создается ими, определяя этим самым облик и тенденции развития общества» [4, с. 59]. В этих взаимоотношениях, в слиянии и противостоянии публики и интеллектуала есть тонкая символическая составляющая, которая призвана выявить онтологический статус того или иного публичного интеллектуала.

Публичность интеллектуала сочетает целый ряд различных факторов, значительных и менее значимых, и зависит от опыта, который реализуется непосредственно во время общения со слушателями, во взаимоотношении с аудиторией. В самой этой встрече и содержится экзистенциальная значимость, так как в этом слиянии происходит его самопознание. Популяризируя знания, публичный интеллектуал создает аудиторию, а аудитория в свою очередь рождает, лепит, меняет интеллектуала, который вступает с ней в диалог.

Заметим, что если раньше люди в основном интересовались достижениями науки, то в эпоху цифровой революции специалисты отмечают возросший интерес публики к фигурам отдельных публичных интеллектуалов из научно-академической среды, к их творчеству и складу мышления, условиям жизни и работы. Сегодня миллионы интересуются тем, что такое научное творчество и из чего оно возникает, хотят понять сущность людей, стоящих за наукой, и их внутреннюю мотивацию – об этом снимают фильмы и пишут романы. Особое внимание приковано к роли публичных интеллектуалов в жизни общества и государства, их вкладу в решение общественно значимых проблем, ведь публичные интеллектуалы – это люди, продвигающие общественные интересы, охраняющие базовые ценности, нацеленные на создание общих ориентиров. Именно они пропагандируют не только профессиональные и культурные, но и экзистенциальные идеалы, а значит, способны влиять на настроение масс, не только изменять социальные, экономические и политические условия, в которых живут и работают люди, но и создавать определенную атмосферу в обществе, мыслящее, интеллектуальное пространство свободы и единства людей.

Вполне закономерно, что в последнее время активизируется пласт академической элиты, которая не боится публичности и активно «предлагает» себя широкой публике. И, хотя сегодня тон задают политические элиты, на наш взгляд, научно-академическая среда должна быть более активно вовлечена в социально-политические процессы, влиять на общество и государство. В конечном счете именно в руках публичных интеллектуалов находятся инструменты, способные менять, реформировать, мотивировать.

В то же время вопрос коммерческой составляющей образования актуален как никогда, особенно сегодня, когда сами вузы становятся корпорациями, брэндами, продающими не только свои логотипы, но и своих интеллектуалов – преподавателей, сделавших себе имя, ставших *публичными*. Такой аспект как коммерческая составляющая интеллектуальной публичности является открытым предметом современного образовательного дискурса. Публичность как способ зарабатывания не только и не столько авторитета, имиджа в академических кругах, сколько в чистом виде коммерческое предприятие – далеко не редкое явление. Это не должно вызывать осуждения и отторжения, поскольку, к сожалению, наша действительность в эпоху цифровой

революции устроена таким образом, что если знают – значит покупают, печатают, транслируют, тиражируют и т.д. Но это только одна сторона вопроса, – самое интересное понять, не ударяет ли монетизация интеллекта (продажа того, что называется *интеллектуальной собственностью*), по личности самого интеллектуала, не делает ли его уязвимым, не развращает ли морально, не отдаляет ли от науки? И здесь встает вопрос об ответственности не только перед публикой, но и перед самим собой как личностью и наукой. Хочется понять, не довлеет ли публичность над интеллектуалом, не мешает ли реальному развитию науки, ведь на преподнесение и «продажу» себя, своих знаний и идей как продукта уходит много времени и сил. Кроме того, это требует определенных навыков и особых, не совсем «научных» умений. Одним словом, какова цена, которую надо заплатить, чтобы выбраться из башни из слоновой кости, «спустить» знания к публике и популяризировать добытую опытным и эмпирическим путем информацию, сделать ее общедоступной?

Наиболее дискурсивным сегодня является также и вопрос о том, насколько оправдана роль и каков статус публичного интеллектуала в обществе, ведь часто публичность интеллектуала бывает гиперболизирована, гипертрофирована, чем вызывает отторжение у публики, а рефлексия чрезвычайно важна для публичного интеллектуала. Можно говорить и о квазипубличности некоторых современных публичных интеллектуалов.

Наблюдается еще один интересный феномен – разделение на тех, кто принадлежит корпорации университета, и «остальных», тех, кто пониже в иерархии экспертов, не столь публичных и распиаренных, часто игнорирующих цифровое пространство и предпочитающих невиртуальное общение с публикой, не умеющих продавать ни себя, ни свои интеллектуальные ресурсы на рынке образовательных услуг.

В современном образовательном дискурсе саму систему образования называют часто не иначе как «индустрией». Подобные чисто коммерческие отношения приводят к девальвации имиджа вуза, а также ставят под вопрос легитимность отдельных преподавателей, ставших «публичными». Вот и получается, что нынешний преподаватель или ученый, если, конечно, он не публичный интеллектуал, практически обречен на забвение, так как неравенство по критерию включенности/невключенности в сетевой мир уже заложено в систему современного мироустройства вследствие цифровой революции.

Главное, что в научно-академической среде есть понимание того, что необходимо как-то отвечать ожиданиям и, с одной стороны, оставаться привлекательными для молодежи нового цифрового поколения, а с другой – продолжать двигать науку вперед, в том числе и с помощью активного использования виртуального пространства. Не удивительно, что каноны в образовании регулярно пересматриваются – обновляются и наполняются новым содержанием учебные программы, в том числе и он-лайн (к сожалению, не всегда глубоким и продуманным); меняется подход к слушателям с учетом факторов, диктуемых особенностями виртуального пространства; происходит переоценка роли самого преподавателя в учебном процессе.

Заметим, что, несмотря на политические и экономические катаклизмы последних лет, спрос на образование и овладение новыми навыками не падает, а растет. Увеличение потребности в постоянном получении новых знаний подтверждают находящиеся в открытом доступе и пользующиеся широкой популярностью лекции и подкасты различных специалистов практически по всем областям жизнедеятельности, академической и прикладной направленности. Джон Дьюи (*John Dewey*) – выдающийся американский философ и педагог – отмечал, что обучение, как деятельность на протяжении всей жизни, имеет основополагающее значение для человеческого существования [5, с. 77-80]. Сегодня в образовательном дискурсе речь уже идет о становлении и развитии «непрерывного образования» (*Lifelong Education*). Это понятие, вошедшее в педа-

гогический тезаурус, напрямую ассоциируется с цифровой революцией, привнесшей в жизнь человека инновационные методы обучения и сделавшей возможным получение образования в течение всей жизни.

Вызов, который цифровая революция бросает человечеству состоит в том, что она не только меняет отдельные отрасли жизнедеятельности людей, но в целом действительность, рождая новый вид коммуникации и образ мышления. «Мы находимся на фундаментальном антропологическом разломе, обусловленном информационной революцией. Ситуация сравнима по масштабам с появлением книгопечатания и изобретением письменности» [2].

Мощный технологический прорыв последних десятилетий, вероятно не способен трансформировать человечество радикально, зато может коренным образом повлиять на способы информационного обмена, привести к выработке нового цивилизационного канона, иных стандартов и компетенций во всех областях, в том числе и в науке. В перспективе нас, вероятно, ждет эволюция образовательных моделей. Хочется верить, что она будет основана на принципах гуманизма и, согласно заветам Дьюи, обеспечивать формирование экспериментальных навыков не просто для исследования конкретных предметных областей, но для того, чтобы стали возможны совершенствование и развитие личностей, ценностей, социальных институтов и различных видов социальной практики. Ведь образование – это феномен культуры, «образовательные и культурные характеристики перекликаются и создают условия для развития личности в определенных социокультурных условиях» [1, с. 50].

Таким образом, в эпоху цифровой революции, свидетелями которой мы являемся, не окружающий мир и природа воспринимаются игрушкой в руках человека-повелителя, но он сам становится марионеткой в руках неведомого «хозяина» цифрового пространства. На наших глазах конструируется некое новое онтологическое мироустройство особого рода, пригодное для использования и активного применения человеком современности. Однако природа этого явления не до конца человеком осознаваема и контролируема, и он пока барахтается в этом виртуальном мире, как муха в сети паука. Вот почему очень важно осваивать это пространство, наполнять его интеллектуальным содержанием и информацией, несущей знание и добро.

Литература

1. *Видт И. Е.* Образование как феномен культуры: эволюция образовательных моделей в историко-культурном процессе: автореф. дис. …д-ра пед. наук. – Тюмень, 2003.
2. *Зорин А. Л.* Публичная филология? Литературный канон после закрытия постмодернистского проекта. URL: www.fulsumsch2016.wordpress.com (дата обращения: 16.08.2016).
3. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. – М.: Весь Мир, 2003.
4. *Шестакова Э. Г.* Публичный интеллектуал – ценностная основа модернового общества и государства // Журналистский ежегодник. – 2015. – №4. – С. 57-62.
5. *Dewey J.* My Pedagogic Creed // School Journal. 1897. Vol. 54. pp. 77-80.
6. *Levitin D.* The Organized Mind. URL: http://www.daniellevitin.com/theorganizedmind/ (дата обращения: 11.10.2016)
7. *Lightman A.* The Role of the Public Intellectual. URL: http://web.mit.edu/comm-forum/papers/lightman.html (дата обращения: 01.07.2016)
8. *Postman N.* Amusing Ourselves to Death. Public Discourse in the Age of Show Business. N.Y., 1985.